

О СООТНОШЕНИИ ПРЯМОГО И ОБРАЗНОГО ОБОБЩЕНИЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ В ПОСЛОВИЦАХ И АФОРИЗМАХ

Афоризмы (в том числе и языковые – пословицы и крылатые изречения) по своей семантике являются такими высказываниями, в которых связи между реалиями и/или их свойствами выражаются в обобщенной форме. В афоризмах сообщается не об отдельных, конкретных предметах, явлениях и процессах действительности, а о них как о классах объектов (что обуславливает нереперентность лексических компонентов афористических высказываний). Поэтому и свойства этих классов, и связи между ними могут иметь только общий характер. Это, в свою очередь, предполагает их существенность и повторяемость (регулярность проявления), т. е. закономерность этих свойств и связей. Значит, в афоризмах формулируются именно (и только) закономерности связей между не единичными реалиями действительности и/или их свойствами, существующие объективно (вне воли человека) или только в сознании носителей языка (в одном из возможных миров).

Такой трактовке афористической семантики, по нашему мнению, не противоречит то, что многие афоризмы, особенно пословичные, имеют переносную мотивировку общего значения, в том числе нередко с утраченной (или с непрозрачной для носителей языка) внутренней формой. Правда, можно возразить, что поскольку образное содержание пословиц всегда опирается на какой-либо частный случай, их обобщающий смысл имеет лишь функциональную природу. На это в свое время обратил внимание А.А. Потебня, полемизируя с Г.Э. Лессингом о генезисе басни и ее морали.

По утверждению Г.Э. Лессинга, в пересказе А.А. Потебни, «сначала существует в мысли общее нравственное утверждение, например, что *Лесть – вредна*, или *Сильный пожирает слабого*, а затем уже к этим общим положениям нами придумывается – к первому – басня о Вороне и Лисице, ко второму – что такой-то зверь съел такую-то птицу или зверя, а сам, в свою очередь, был съеден другим зверем и пр. Говоря так, выходит, как будто сначала существует общее положение, которое потом низводится к частному случаю, или, как выражаются французские теоретики (De la Motte, Richer), переряживается в иносказание, скрывается в иносказании» (Потебня 1990, 78). Далее А.А. Потебня справедливо замечает: «в применении к языку это значило бы, что слово сначала означает целый ряд вещей, например *стол вообще*, или целый ряд качеств, действий; а потом, в частности, *эту вещь, этот стол, это действие*. Если это так, то спрашивается: откуда взялось это общее?» И продолжает: «Мы можем из соображения или наблюдения доказать, что общее возникает не иначе, как из сложения многих частных, и добывание общих мыслей происходит с известными усилиями, которые

бывают настолько велики, что до некоторых обобщений человечество доходило лишь в течение многих тысячелетий своей жизни; что многие языки, а стало быть и говорящие ими народы, известных обобщений вовсе не могут выразить или выражают их неполно, потому что эти обобщения не составляют общего достояния среднего уровня говорящих. Например, в некоторых русских наречиях слово “человек” вовсе не имеет значения зоологического и антропологического обобщения “*homo sapiens*”, т. е. всякого человека без различия пола, возраста, племени; по-малорусски было бы совершенно смешно сказать, что женщина есть человек» (Потебня 1990, 78).

Следует заметить, что совершенно справедливый в отношении формирования общих понятий и представлений о действительности в онтогенезе языка и мышления взгляд А.А. Потебни оказывается непригодным для объяснения тех когнитивных механизмов, которые обеспечивают производство и воспроизводство в речи обобщающих высказываний с переносной мотивировкой общего значения.

Так, А.А. Потебня безусловно прав, говоря о генетической (и часто содержательной) вторичности формулировки морали любой басни (безотносительно того, «выставлена» она «в начале или в конце басни» или же отсутствует в тексте), но, видимо, ошибался, когда утверждал о происхождении всякого обобщения из «конкретного образа», поскольку появление любой басни невозможно представить без предварительного существования некоей морали (имеющей общий характер или претендующей на него, что в сущности одно и то же), которую автор иносказательно выразил в данной басне на примере какого-либо частного случая. Иными словами, с точки зрения автора басни (говорящего) мораль, выраженная обобщенным высказыванием, не может вытекать из содержания басни. Обобщенное значение афоризма в басне обусловлено ее содержанием только с точки зрения читателя (слушателя), для кого, собственно, басня и пишется. Никакой единичный частный случай, никакой «конкретный образ» объективно не может выступать в качестве эпистемологической основы обобщения действительности. Автор басни может лишь использовать тот или иной частный случай, тот или иной «конкретный образ» только для подтверждения действительности ранее сделанного им самим (или же кем-либо еще) обобщения, правильности уже сформулированной закономерности. Для басни (как и для любого текста, где использован афоризм) всегда будет сначала существовать некое общее положение, которое (вопреки А.А. Потебне) потом низводится к частному случаю (проецируется на него), именно потом «переряживается в иносказание, скрывается в иносказании», а не возникает из него.

Обобщенное содержание тех пословиц, которые восходят к басням, вовсе не родилось при их создании благодаря обобщению данного частного случая, иносказательно выраженного в басне, а было использовано в уже готовом виде. Образная же форма таких пословиц безусловно обязана

породившей ее иносказательной форме басни. Это утверждение справедливо и для тех крылатых афоризмов с переносной мотивировкой общего значения, образная форма которых детерминирована авторским контекстом. Ср. крылатый афоризм *С милым рай и в шалаше* ('С любимым человеком хорошо в любых условиях'), обобщенное значение которого проецируется на частный случай (слова лирического героя – влюбленной девушки) в стихотворении Н.М. Ибрагимова «Русская песнь» (1815), а образная форма которого обусловлена авторским контекстом (*шалаш* противопоставляется поэтом *палатам*): *Не ищи меня, богатый: Ты не мил моей душе. Что мне, что твои палаты? С милым рай и в шалаше!*

Таким образом, вполне очевидно, что использование образа в афористическом высказывании невозможно без предварительной актуализации на уровне пресуппозиции представления о той или иной общей закономерности действительности, которая выражается посредством той или иной метафоры, а не создается ею. Это значит, что в основе афоризма с переосмысленным общим значением лежит прямое представление о выраженной в этом афоризме закономерности действительности. А это, в свою очередь, позволяет утверждать, что обобщающее содержание пословиц (как и любых афоризмов, образный смысл которых порождается благодаря какому-либо частному случаю) имеет не функциональную, а субстанциональную природу.